

У Конец Черного лебедя

БАЛЕТНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ НА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СЦЕНЕ
БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Большой театр. — 1997. — (№ 5). — с. 11 — 15.

На заре века Мандельштам сказал о России: «Чудовищна, как броненосец в доке...» На броненосец в доке, покрытый многолетними наслоениями водорослей и ракушек — и подойти-то боязно, не только начать очистку! — похожи и некоторые шедевры русской театральной классики. К примеру, балет Чайковского «Лебединое озеро». Даже если говорить о нем без ухмылок из-за обретенного пять лет назад политического контекста (до сих пор, говорят, многие дети, услышав знакомую музыку, вопрошают: «Что, опять какой-нибудь путч?») и намеков, что-де само название — уже агитация за одного из будущих кандидатов в президенты.

Могу поступиться Принцем

Каждый великий артист балета имеет несомненное право на свои, пусть и не всегда безоблачные отношения с тем или иным шедевром. Творческая биография Владимира Васильева хорошо известна, и у самых дотошных балетоманов, случалось, возникал вопрос, почему в его послужном списке нет роли Принца Зигфрида в «Лебедином» (кстати, уже мало кто вспоминает, что у героя балета был реальный исторический прототип — баварский курфюрст Людвиг II, любитель искусств и покровитель Рихарда Вагнера, трагически погибший в водах озера, которое до сих пор называют Лебединым).

Ответить на него Владимир Васильев пытался еще четверть века назад, признаваясь тогдашнему главному балетмейстеру Большого театра, что общепринятые понима-

А.Антоничева (Принцесса-Лебедь)

